

— Кое-кто хочет тебя видеть, — холодно бросил Цзин Сяохань, обращаясь к Жун Ину.

Он резко развернулся к выходу, но перед самым уходом ожёг Чэн Си мимолётным взглядом.

У Чэн Си аж волосы на затылке дыбом встали.

— И чего он так на меня зыркнул? Неужто приревновал, раз я с его благоверной в одной комнате заночевал?

Ли Цзин мысленно прижал ладонь к лицу.

— Тебе не приходило в голову... что он просто велел тебе убираться следом?

Эх, будь его воля, он бы сейчас хорошенько встряхнул Чэн Си за плечи — проверить, не плещется ли в его черепушке сплошная вода вместо мозгов.

Чэн Си лишь безмолвно захлопал глазами.

Обернувшись, он посмотрел на Жун Ина. Тот полулежал на постели, небрежно опустив ладонь на колено. Мутный хмель почти выветрился из его взгляда. Жун Ин слабо улыбнулся другу:

— Всё в порядке. Ступай.

Высунувшись из-за ширмы, Чэн Си оглядел комнату. Шэнь Синхэ и остальные куда-то испарились, оставив после себя лишь полдюжину сиротливо катающихся по полу пустых кувшинов. У самого входа в трактир колыхались неясные тени — похоже, там собралась целая толпа. Чэн Си подался вперёд, пытаясь рассмотреть прибывших, как вдруг перед глазами взметнулся широкий белый рукав, а поперёк живота железным обручем сомкнулась чужая рука.

— Стой! — Чэн Си охнул, почувствовав, что земля уходит из-под ног. Цзин Сяохань бесцеремонно взвалил его на плечо, точно мешок с овсом, и зашагал прочь. — Не буду я больше подглядывать! Честное слово! Отпусти, я сам дойду!

Не проронив ни слова, молчаливый заклинатель свободной рукой распахнул створку окна и легко вспрыгнул на деревянные перила.

Лицо Чэн Си исказилось от ужаса:

— Достопочтенный бессмертный! Пожалуйста, воспользуйтесь дверью! Не надо прыга-а-а-ать!..

К его вящему изумлению, Цзин Сяохань приземлился на мостовую мягко и бесшумно. Чэн Си отделался лёгким испугом, но когда его наконец бесцеремонно сгрузили на землю, ноги у него подкосились. Он едва удержался на ногах, прислонившись к холодной стене и судорожно переводя дыхание. Подняв глаза на таверну, он заметил, что у входа выстроились молчаливые стражи в белоснежных одеждах Тройных Небес. Их суровые лица ясно давали понять: посторонним здесь не рады.

— Это посланники Владыки Тройных Небес, — заговорил Ли Цзин, и в его голосе сквозила задумчивость. — На Помосте Борьбы Облаков Жун Ин явил себя во всей красе. Одного взгляда хватило, чтобы привлечь внимание того, кто восседает на самом верху.

— Похоже, у малого теперь появится великий покровитель и наставник, — вздохнул он.

— Вот оно как, — Чэн Си проводил взглядом скользящие по верхним этажам тени. На его губах расцвела искренняя, теплая улыбка. — Что ж, тогда я могу лишь порадоваться за него.

Глубокая ночь давно перевалила за половину. Улицы опустели, но праздничные фонари продолжали ронять на брусчатку мягкий золотистый свет. Потоптавшись на месте, Чэн Си рассудил, что Жун Ин до утра точно не освободится, а значит, пора и честь знать — возвращаться в академию. Но стоило ему развернуться, как он наткнулся взглядом на застывшую неподалёку фигуру Цзин Сяоханя.

Сложив руки на груди, юноша стоял неподвижно. Его лицо скрывала Мули с длинной вуалью, окутывавшей фигуру до самых плеч. Холодный ночной ветер лениво трепал прозрачный белый шёлк. В тусклом туманном мареве этот безмолвный силуэт выглядел до того жутко, словно сошёл со страниц дешёвой повести о призраках.

Чэн Си невольно передёрнул плечами.

— Чего это он застыл посреди ночи, будто изваяние?

— А то сам не видишь? Ждёт, чтобы проводить тебя до Академии Духовной Горы, — со вздохом отозвался Ли Цзин. — Кстати, ты сам-то дорогу помнишь?

Вопрос попал в цель. Один крайне рассеянный молодой господин, никогда в жизни не утруждавший себя запоминанием маршрутов, спешно и очень глубоко задумался.

Делать нечего. Чэн Си послушно поплёлся вслед за молчаливым провожатым. Стоило ему приблизиться, как Цзин Сяохань неторопливо двинулся вперёд. Чэн Си пристроился чуть позади, точно верный хвостик.

Лёгкое дуновение ветра шевелило просторные рукава юного заклинателя. В воздухе разлился едва уловимый, изысканный аромат — прохладный и чистый, крадущийся вслед за шуршанием шёлковых одежд, словно запах цветущего в ночной глуши дикого эпифиллума.

Нынешний Праздник Высоких Небес удался на славу. Даже в этот предрассветный час им изредка попадались припозднившиеся прохожие с бумажными фонариками в руках. Мостовая была усыпана лепестками — истоптанные, они превратились во влажную ароматную кашу. Чэн Си усердно вышагивал по чистым островкам уцелевших синих кирпичей, смешно перепрыгивая с одного на другой, отчего издалека казался суетливым длинноухим кроликом.

Ближе к утру заметно похолодало. На спящий город опустился влажный туман, окутав сонные переулки молочной дымкой. Большинство торговцев уже свернули свои лавочки, и лишь редкие лотки с горячей снедью всё ещё манили случайных путников. Вскоре к тонкому аромату ночного цветка, исходившему от Владыки Таинственного Неба, примешался умопомрачительно густой, сытный запах свежего бульона.

У Чэн Си мигом потекли слюнки. Он придирчиво огляделся по сторонам, стараясь получше запомнить это местечко — на случай, если однажды решит тайком сбежать из академии ради ночного перекуса.

Внезапно шедший впереди бессмертный остановился. Словно лёгкое облако, опустившееся на землю, он изящным жестом подобрал полы белоснежного халата и преспокойно устроился на грубо сбитой деревянной скамье возле неприметного уличного лотка. Постучав длинными пальцами по щербатой столешнице, юноша вскинул голову и пристально посмотрел на Чэн Си. Из-под вуали сверкнули два янтарно-золотых глаза.

Чэн Си растерянно моргнул.

— А это ещё что за пантомима?

— Две миски пельменей, платишь ты, — жизнерадостно перевёл Ли Цзин.

Чэн Си едва не поперхнулся воздухом от возмущения. Его мысли заметались:

«Как так-то?! Неужто небожители питаются не утренней росой?»

А следом:

«Какая наглость! Великий Владыка Таинственного Неба бессовестно вымогает еду! Неужели на Тройных Небесах совсем туго с казной?!»

Пока он предавался мысленным стенаниям, тело сработало само: опомнился Чэн Си уже тогда, когда перед ним дымилась полная тарелка, а сам он увлечённо уплетал за обе щеки сочный

цзяоцзы.

Старик-повар превзошёл сам себя: тесто вышло тонким и упругим, а начинка — сочной и на редкость щедрой. Внутри каждого пухлого пельмешка пряталась упругая тигровая креветка. Всё это великолепие плавало в наваристом рыбном бульоне молочного цвета. За весь вечер Чэн Си маковой росинки во рту не держал, так что горячее угощение пришлось как нельзя кстати — приятное тепло мигом разлилось по телу.

Сидевший напротив Цзин Сяохань к тому моменту уже управился со своей порцией и теперь чинно восседал на скамье, сверля спутника немигающим взглядом. Что и говорить, природа щедро одарила этого парня безупречной красотой — как-никак, главный герой этой истории. Но даже на самого писаного красавца тяжело смотреть, когда он пялится на тебя в упор, словно планирует отобрать твою тарелку.

Защищая остатки трапезы, Чэн Си робко предложил:

— Владыка Таинственного Неба... Может, закажем ещё порцию?

Цзин Сяохань лишь качнул головой, призывая его продолжать. Затем он неторопливо запустил руку за пазуху и принялся выуживать оттуда крошечные глиняные сосуды. Один, второй, третий... С тихим мелодичным перезвоном на грубой деревянной столешнице выстроился целый ряд изящных флаконов размером с палец.

Присмотревшись, Чэн Си едва не подавился бульоном.

Перед ним, точно копеечные безделушки на базарном лотке, красовались драгоценные флаконы с Нефритовой Росой Божественных Небес. Цзин Сяохань слегка приподнял поля шляпы, и его холодный голос ровно отчеканил:

— За ужин.

Чэн Си лишился дара речи. Что тут скажешь — богато жить не запретишь.

Отужинав божественными цзяоцзы и знатно подлечив желудок бесценным эликсиром стоимостью в целое состояние, Чэн Си в прекрасном расположении духа зашагал к академии. Небо на востоке едва начало светлеть, подёрнувшись нежно-серым шёлком. Цзин Сяохань остановился у самых ворот, давая понять, что внутрь не пойдёт.

— Главный герой отправляется на зачистку очередного тайного царства, — пояснил Ли Цзин.
— Выйти в путь он должен непременно до рассвета. Судя по сюжету новеллы, испытание предстоит суровое — мы его месяцев шесть, а то и год не увидим. Он вечно один, друзей отродясь не заводил. Думаю, перед долгой дорогой эта простая трапеза пришлась ему по душе.

В белёсом утреннем тумане Цзин Сяохань казался совсем юным и хрупким, но в его осанке сквозила несгибаемая воля. Чэн Си внезапно ощутил укол щемящей жалости. Если забыть про титулы и силу, этот парень — всего лишь семнадцатилетний подросток, нелюдимый и зажатый в тиски собственного одиночества.

Немного помешкав, Чэн Си мягко произнёс:

— Когда вернёшься, я угощу тебя лапшой.

Цзин Сяохань недоуменно склонил голову набок.

Чэн Си тепло улыбнулся:

— В наших краях говорят: перед дорогой ешь пельмени, а по возвращении — лапшу, чтобы путь тянулся ровно. Пусть удача сопутствует тебе в этом походе, благородный заклинатель!

Юноша чуть приподнял голову, и под вуалью на мгновение блеснули потеплевшие золотистые глаза.

— Хорошо.

Когда белая фигура растаяла в предрассветной дымке, Чэн Си внезапно замер, похолодев от дурного предчувствия.

— Проклятье... Кажется, я только что наложил на него классический сглаз. Надеюсь, моё напутствие не сведёт главного героя в могилу раньше времени?

Ли Цзин промолчал, выражая полное согласие своим красноречивым молчанием.

После праздника ученикам Академии Духовной Горы пожаловали три дня отдыха, и все эти три дня Чэн Си безвылазно провалялся в постели. Однако стоило занятиям возобновиться, как суровая реальность настигла беглецов.

Внутренний двор академии превратился в плац для разбора полётов. Чэн Си, Шэнь Синхэ, Бай Хэншэн и Е Хуайань выстроились в ровную шеренгу под бдительным взглядом наставника. Чуть поодаль уныло переминался с ноги на ногу Ин Лин со своей свитой. Лишь Жун Ина среди них не было.

— Ну что, хорошо повеселились? — ласково прищурился директор. От его добродушной улыбки

у провинившихся мороз пробежал по коже.

— И ведь как прытко улепетнули! Я уж грешным делом подумал, что вы решили вовсе не возвращаться, и мысленно составлял покаянные письма вашим многоуважаемым отцам и старейшинам.

Старик медленно обошёл строй притихших учеников. В его руке зловеще блеснула тяжёлая дисциплинарная линейка — заколдованный артефакт, каждый удар которого отзывался невыносимой, дробящей кости болью. Несколько коротких взмахов — и пронзительный свист рассекаемого воздуха оборвался глухими хлопками. Двое парней из компании Ин Лина тут же с тихим стоном повалились на колени.

— Премного благодарен молодым господам за проявленное милосердие к моим сединам! Хоть избавили старика от позорного паломничества по всему Девятиземью ради извинений!

Наставник остановился прямо напротив Чэн Си.

— Руку.

Чэн Си покорно вытянул ладонь. Раздался хлёсткий щелчок, и кожа мгновенно вспыхнула пунцовым цветом. Директор, зная о его хрупком здоровье, ударил вполсилы, так что Чэн Си почти ничего не почувствовал. Однако, уловив грозный блеск в глазах старика, он мгновенно сообразил: если сейчас не изобразить вселенские муки, последствия будут куда плачевнее. Чэн Си часто-часто заморгал и выжал из себя пару горючих, искренних слёз.

— Осознали свои бесчинства? — сурово спросил директор, слегка смягчившись.

Шеренга дружно и часто закивала.

— Повторится подобное?

Головы парней замотались из стороны в сторону с такой скоростью, что едва не отвалились.

— Вот и славно. Ошибки юности простительны, коли есть раскаяние, — директор небрежно спрятал линейку в широкий рукав. — А теперь марш за метлами. Староста распределит между вами участки. Отныне чистота двора Академии — ваша забота.

Пророчество сбылось с пугающей точностью: им достались и переписывание скучных трактатов, и позорное стояние в углу, и уборка территории.

Чэн Си выпало убирать Павильон Сокрытых Текстов. Приходилось подниматься на час раньше обычного, чтобы успеть вымести вековую пыль до начала занятий. Впрочем, у этой каторги

нашлась приятная сторона: доступ к книгам стал неограниченным. Местная библиотека ломилась от обилия древних свитков и трактатов, среди которых попадались даже фривольные любовные романы, некогда конфискованные у нерадивых учеников. Каждый день Чэн Си ухитрялся припрятать под полами халата какую-нибудь забавную книжицу.

За полмесяца он успел пролистать едва ли не половину стеллажей. Жун Ин же после той безумной ночи словно сквозь землю провалился. Наставники хранили по этому поводу невозмутимое молчание.

Как-то раз обеспокоенный Шэнь Синхэ шёпотом спросил у Чэн Си, куда подевался их новый приятель. Троица в ту ночь набралась до такого беспамятства, что очнулись они уже в собственных постелях и понятия не имели о визите высокопоставленных гостей из Тройных Небес.

Чэн Си вкратце обрисовал ему события предрассветного часа, и Шэнь Синхэ понимающе кивнул.

— Значит, кто-то из великих владык приметил его таланты. Что ж, парню крупно повезло.

Академия Духовной Горы издавна поддерживала прочные связи с высшей обителью небожителей. Многие способные ученики мечтали получить там скромную должность младшего чиновника, выбиваясь из сил ради этого шанса. Впрочем, Тройные Небеса принимали к себе лишь вольных заклинателей, не связанных обетами с великими орденами. Наследникам благородных кланов вроде Шэнь Синхэ или Чэн Си путь туда заказан — если только они добровольно не отрекутся от собственных семей.

— А я-то надеялся через пару лет переманить его в Обитель Великого Единого, — сокрушённо вздохнул Шэнь Синхэ. — С его-то мастерством мы бы на следующем межклановом состязании без труда взяли главный приз.

— Закатай губу, — хмыкнул Чэн Си. — Я сам подумывал затащить его в нашу Обитель Облачного Слияния на Крайнем Востоке, но видишь — не успел.

Юноши переглянулись и весело расхохотались.

Оба прекрасно понимали: великие кланы давно погрязли в интригах и кумовстве. Для одарённого безродного юноши служба на Тройных Небесах — самый надёжный способ пробиться к вершинам.

Месяц пролетел незаметно. У Чэн Си появилось новое увлечение. На потайных полках Павильона Сокрытых Текстов он откопал старинные чертежи хитроумных механических игрушек. Повозившись пару вечеров, он смастерил изящный бумажный фонарик. Стоило вставить внутрь крошечный осколок духовного камня, как тёплый воздух заставлял узорчатую тень бегать по стенам, точно в настоящем волшебном карусельном фонаре.

Ученики из Класа Созвездия тут же выстроились в очередь, чтобы поглазеть на диковинную забаву.

К концу месяца из долгих странствий наконец воротился Бессмертный лекарь. И прибыл он не с пустыми руками.

Случайно набредя на заброшенную древнюю обитель, лекарь отыскал там обрывок забытого рецепта. Первые же опыты показали: таинственное снадобье способно расширять духовные каналы и укреплять истощённое тело. Для Чэн Си это означало, что предел его земной жизни отодвинулся с предначертанных восемнадцати до двадцати, а то и до двадцати одного года. Если доработать состав, со временем можно будет создать более сильное лекарство. Глядишь, при должном уходе Чэн Си даже сможет когда-нибудь приобщиться к искусству самосовершенствования.

Одно скверно: редкие травы и минералы для этой микстуры водились в самых опасных дебрях, да и стоили баснословно дорого.

Едва весть долетела до родных пенатов, как матушка — Великая госпожа Обители Облачного Слияния на Крайнем Востоке — разрыдалась от счастья и проплакала всю ночь на плече старшего сына, Владыки Проявленного Света, брата Чэн Си. Она порывалась лично мчаться из Цанчжоу, чтобы поклониться спасителю в ноги, и домашним стоило огромных трудов её отговорить.

Впрочем, старший брат Чэн Си, известный своим решительным нравом, не стал тратить время на слёзы. Он лаконично отписал лекарю: «Всеми расходами и редкими ингредиентами Обитель Облачного Слияния на Крайнем Востоке обеспечит сполна. Что же до моего непутёвого младшего брата — ставьте над ним любые опыты, какие сочтёте нужными. Всё равно ему осталось всего ничего. Помрёт — значит, судьба такая. А выживет — так каждый лишний день нам в радость».

Чэн Си, ознакомившись с письмом, лишь зубами скрипнул:

«Братец, удружил так удружил. Сразу видно — родная кровь!»

Не успел Чэн Си обрадоваться отсрочке приговора, как превратился в подопытного кролика. Лекарь мучил его процедурами с утра до вечера. Впрочем, Ли Цзин, краем глаза изучив рецепт, задумчиво признал:

«А ведь в этой писанине есть здоровое зерно. Пожалуй, стоит попробовать».

С тех пор дни Чэн Си слились в бесконечную, унылую череду: утреннее подметание полов, занятия, а затем — литры горького варева. Чтобы хоть как-то скрасить своё существование, Чэн Си из вредности делился вкусовыми ощущениями с Ли Цзином через их духовную связь, заставляя того плевать от горечи.

И всё же мучения не прошли даром. К исходу зимы Чэн Си, собрав в кулак остатки сил, сумел совершить настоящее чудо — высечь на кончиках пальцев крохотную, весело пляшущую искорку истинного пламени.

Что ж, для зажигания масляной лампы этого вполне хватало.

<http://bllate.org/book/18408/1799576>